

И МАСТЕРСТВО, И ВДОХНОВЕНЬЕ...

ПОЕТ РАИСА БОБРИНЕВА

Омский зритель очень любит эстраду. А потому, едва появится афиша с более или менее известным именем, и уже осаждают молодежь билетных кассиров; и уже ясно, что концерт пойдет в самом солидном театральном помещении. Нет, в этом ничего нет предсудительного. Пусть звучит в театре музыкальный голос Эльмиры Уразбаевой, пусть выходит на сцену драмтеатра Приокский эстрадный оркестр, пускай даже поет на арене цирка Иосиф Кобзон — все это в порядке вещей. Зритель заполнит любой зал.

Но вот что странно. Приезжает в Омск камерный исполнитель (скажем, скрипач, виолончелист, певец), и проходят его концерты в самых малых залах, и нет вокруг них никакого ажиотажа, будто это так... для узкого круга.

Несколько дней пела для омичей Раиса Бобринева. Она была в гостях у студентов транспортного и педагогического, ее слушали в зале Дома союзов, телевидение привело ее в каждый дом, где по вечерам царит искусство малого экрана. Но вот по-настоящему большого, открытого концерта — в хорошем зале и на хорошей сцене, где празднично было бы все: от театрального света до аккуратных строгих кулис и безупречного роля, где все дышало бы атмосферой значительного события — такого концерта у Бобриновой не было.

В этом не ее вина. Она и на маленькой сцене пела так, что вечер становился праздником.

Бобринева — одна из наиболее

одаренных молодых советских певиц. Выпускница Московской Государственной консерватории, подлинную вокальную школу прошла она в Милане, в классах «Ла Скала», где занималась с нею Мерчелес Лепард, воспитавшая для мирового искусства Ренату Скотто и Фьоренцу Коссото. В мастерской знаменитого «бель канто» шлифовалась ее певческое мастерство. Ее слушали зрители Милана и Рима, где пела она на оперной сцене, в Праге. Международный конкурс вокалистов 1960 года завершился ее лауреатством и большой гастрольной поездкой по Чехословакии.

Все это говорит о многом, однако лучше всего аттестует Бобриневу ее голос. Вот она выходит к зрителям, спокойно и с доброй улыбкой смотрит в зал, держится просто и уверенно, слушает ведущего, называющего произведение — но с первыми звуками роля она уже не замечает всего этого. Не замечает и слушатель. Музыка и обаяние красивого и звучного меццо-сопрано захватывает его. Певница кажется, вся переполнена музыкой, и потому легко и естественно льются в зал рулады, выводимые этим сильным и все же нежным голосом.

Для Бобриновой, кажется, нет

границ диапазона: вслед за трагически сильной арией Сантуццы («Сельская честь» Москаныи), за арией мадам Беттерфляй из оперы Уучини, полной светлой романтики, доверчивости и любви, в которых певица подымается до наивысшего драматического напряжения в сопрано, Бобринева поет «Черный веер» Сарасате и «Старого мужа» Верстовского, покоряя сочностью и красотой меццо. И эти разные высоты в равной степени легко и чисто покорены ею.

Исполнительская манера Бобриновой лишена вычурности, ложной импозантности и вообще всяческой нарочитости. Все подчиняет она музыке и сама идет за нею, и несет в себе только ее эмоциональную наполненность. Зритель улавливает тончайший орнамент партии, свободное движение голоса по ступенькам громкости — от светлого пиано к уверенному, чистому меццо-форте и выше — к полному силе и вдохновения форте.

Раиса Бобринева, между тем, вовсе и не стремится продемонстрировать свои вокальные возможности, каждый раз остается ощущение «запаса», когда с изяществом штурмует она высоты партии. Когда она поет, то словно «ищет в себе эту музыку и себя в ней». Так говорил Станиславский оперным

певцам, и у Бобриновой есть это качество. Ее нетрудно представить себе на оперной сцене, ибо она отлично чувствует драматическую природу арии.

Она немало поет произведений известных и любимых. Но разве не звучит откровением у нее моцартовское «Ave Maria» или «Глазки» Гурилева!

Она поет на итальянском и на русском, и язык для нее — всегда продолжение музыки.

Отличает певицу и очень современное качество: ни на мгновение не уходит ясная мысль, дающая любому музыкальному эффекту естественность.

В ее концертах светлое впечатление оставляет Николай Мионов — аккомпаниатор с тонким чувством ансамбля. Он ощущает своеобразие голоса Бобриновой, особености ее дарования, и потому его аккомпанемент тоже строго индивидуален. Это чуткий и глубокий музыкант.

Бобриновой и Мионову скандировали «браво». Это итальянское выражение восторга звучало по-русски искренне и с волнением. И думалось в это время, что обеднил себя омский зритель, не слушавший москвичей в большом открытом концерте. А может быть, и не зритель тут виновен? А может быть, музыкальный лекторий филармонии не слишком активно пропагандирует такие концерты?

В. КАЛИШ.